

Свирский Я.И.

Индивидуация в перспективе парадигмы СЛОЖНОСТИ

Аннотация: В статье предполагается рассмотреть несколько ключевых понятий исследовательской стратегии французского философа Жильбера Симондона, выдвинувшего концепцию технической, биологической, психологической и коллективной индивидуации, обретающей, в конечном счете, онтологический статус. В ходе данного рассмотрения будет осуществлено некое сопряжение между критической субстанциалистской и гилеморфической традиции истолкования происхождения индивидуальных сущих и такими концептами как трансдукция и аллагматика, привлекая при этом и другие сопутствующие представления (первичная информация, внутренний резонанс, метастабильность и другие). Реализуется компаративный метод исследования, сопрягающий философскую стратегию Жильбера Симондона с парадигмой сложности. В статье учитывается, что концепции Симондона оказали большое влияние на творчество Жюль Делеза, Жана Бодрийяра, Брюно Латура, Изабеллы Стенгерс и других видных авторов, движущихся в стратегии парадигмы сложности. Основным выводом проведенного исследования является связь философской стратегии Жильбера Симондона с современными проблемами как социального, так и интеллектуального характера. Прежде всего имеются в виду сюжеты, связанные с индивидуацией как технических, так и витальных объектов, обеспечивающих существование современного социума. Причем творчество Симондона предстоит осваивать не только отечественной, но и зарубежной философии.

Ключевые слова: Симондон, Трансдукция, Метастабильность, Индивидуация, гилеморфизм, Информация, форма, аллагматика, Биофилософия, аутопоэзис.

Review: In his article Svirsky invites us to consider several key concepts of the research strategy offered by the French philosopher Gilbert Simondon. Simondon introduced the concept of technical, biological, psychological and collective individuation which acquires the ontological status in the long run. In the course of the present research Svirsky carries out a comparison between substantial criticism and hylomorphic tradition of interpreting the origin of individual matter and such concepts as transduction and allagmatique involving other associated terms and concepts (initial information, internal resonance, metastability and others). The author applies the comparative research method to integrate Gilbert Simondon's philosophical strategy with the complexity paradigm providing that Simondon's concepts had a great influence on Gilles Deleuze, Jean Baudrillard, Bruno Latour, Isabelle Stengers and other outstanding authors who got close to the complexity paradigm in their research. The main conclusion of the research is that Gilbert Simondon's philosophical strategy relates to contemporary issues of both social and intellectual nature. First of all, the researcher means the plots of individuation of both technical and vital objects which is the guarantee of the modern society's existence. Moreover, according to the author Simondon's philosophy should be studied not only by Russian but also foreign philosophers.

Keywords: Autopoiesis, philosophy of biology, allagmatics, form, information, hylomorphism, individuation, meta stability, transduction, Simondon.

**Статья написана при поддержке РГНФ в рамках научного проекта
«Философские стратегии Жильбера Симондона в контексте парадигмы
сложности» № 15-03-00877.**

Актуальный вопрос

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Борис Пастернак. Волны

Стихи, приведенные в качестве эпиграфа, демонстрируют парадоксальность связки простое-сложное. Простота – ересь (вспомним поговорку «простота хуже воровства»). И чтобы впасть в нее, нужно увериться в «родстве со всем», но «все» – достаточно перепутано и усложнено, а потому (почему?) «более понятно». Ясно, что стихи написаны человеком верующим и, по-видимому, именно в религиозном смысле понимающим термин «простота». Но, одновременно, автор этих строк прожил сложную, полную перипетий жизнь, отголоски которой можно усмотреть в знаменитом романе «Доктор Живаго». Поэтому, кажется, что здесь мы сталкиваемся не столько с дихотомией, сколько с проблемой, а может быть даже и с альтернативой, требующей, как бы то ни было, хотя бы примерного истолкования того, что следовало бы понимать под «простым» и «сложным»: являются ли эти термины указанием на некое «объективное» обстояние дел в природе и во взаимоотношениях между человеком и природой (или Богом)?, либо же они обозначают позицию, какую наблюдатель удерживает в связи с наблюдаемым, обозначают два способа отношения к познанию и бытию?

Попробуем предложить один из возможных вариантов ответа на эти вопросы, для чего обратимся к традиционному для философских штудий концепту «смысл». В традиционном понимании такого концепта можно различить, по крайней мере, две взаимопереплетающиеся стратегии. Согласно одной стратегии предполагается, что смыслодержущие структуры уже наличествуют либо в мире (включающем в себя человека), либо в человеке (познающем мир). Движение к таким «структурам» (последним основаниям, законам, моральным установкам, государственным институтам и т.п.) и есть *движение мысли*. Именно это движение мысли обеспечивает *осмысленность* не только челове-

ческого существования, но и всего того, что мы видим, чувствуем, осязаем, то есть, того, что существует независимо от нас в качестве *внешней природы*. Изрядно упрощая ситуацию и не пускаясь в детали, упомянутые «структуры» можно интерпретировать либо как «заоблачный мир» с его Благом и сопутствующей последнему иерархией ценностей (Платон); либо как Бога со всеми техниками приближения к последнему (Скотт, Аквинский); либо как Абсолютный дух Гегеля; даже «бытие» Хайдеггера и «традиция» Гадамера, отчасти, могут быть истолкованы в этом ключе. Философия выработала массу весьма *непростых* (даже сверхсложных) техник припадания к этим «структурам». И тем не менее, данной стратегии может быть приписан термин «простота», в родстве с которой следует увериться, ибо в основании мира и его познания лежит нечто общепонятное, обеспечивающее коммуникацию как между людьми, так и между человеком и природой.

Другая же стратегия – комплементарная первой – состоит в показе того, что смыслы, или смыслодержущие структуры, не наличествуют изначально, а порождаются имманентной жизнедеятельностью человека, помещенного в конкретные и преходящие рамки исторических и социальных обстоятельств. Такие смыслы могут, например, расшифровываться через введение представлений о неких «исторических априори» (М.Фуко), через критику «наличия» (Ж. Деррида), через обсуждение «машин желания» (Ж.Делез, Ф.Гваттари) и т.д. То есть, мир (и человек в нем) выступает здесь как нечто истолковываемое (Ницше), а само истолкование направлено на показ функционирования «исторических априори» и в выявлении того, как на основе такого функционирования возникают идеальности и центрации, претендующие на роль «идолов», «аппаратов преследования и подавления». И если к первой стратегии применимы метафо-

ры «восхождения к некоему абсолюту» или «нисхождения к предельному (достаточному) основанию», то ко второй – метафора «лабиринта».

И наконец, в свете сказанного, представление о том, что здесь мы обозначаем как «простое» (будь то устройство мира, или же восприятие последнего) держится на нисходящей триаде «вещь→свойства→отношения», тогда как «сложное» – на триаде «отношения→свойства→вещь». Причем данные две стратегии могут быть отслежены не только в философских (а шире, гуманитарно ориентированных) изысканиях, но и в области естествознания. Можно сказать, что первая стратегия преобладает в дисциплинарно конституированном познании, тогда как вторая – в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях, а также в квантовой механике и ее экспликациях. Более того, вторая стратегия проявляет себя в некоторых трактовках современной теории самоорганизации (имея ввиду ее исполнения в таких направлениях как синергетика, теория диссипативных структур, теории хаоса и др.), где речь идет не столько об открытии неких «универсалий», сколько о поиске своего рода «региональных закономерностей», или «параметров порядка» (смыслов), возникающих в результате самоорганизации хаотически движущихся инстанций (частиц, животных, людей и т.п.) и присущих локальным регионам бытия. Тогда «родство со всем» с его «простотой» отходит отчасти на задний план, а на первый выходит именно осмысление «сложного», кое не столь уж понятно. И такая непонятность «сложного» предполагает – в своей парадоксальности – целый пучок проблем как философского, так и естественнонаучного характера, проблем, касающихся, если можно так сказать, пересмотра традиционных дихотомий, типа «внешнее-внутреннее», «объективное-субъективное», «наблюдатель-наблюдаемое», живое-неживое» и т.д. Мало того на первый план также выходит то, что обозначается термином «становление», занимающее, если можно так выразиться, место короткого тире между приведенными диадами.

Собственно, такая вторая стратегия отношения к миру и человеку формирует то, что сегодня, порой (не часто), именуют «парадигмой сложности», или (совсем редко) «сложностным мышлением». К парадигме сложности можно отнести с точки зрения современных философских изысканий, например

постструктурализм, а с естественнонаучной точки зрения, например, упомянутую теорию самоорганизации, где акцент делается не на изучении статичных, уже сформировавшихся образований, а на процессах эволюции и становления, что, по-видимому, требует выработки особого рода языка, который еще только формируется для концептуализации данной ситуации становления смыслов. Так, по словам Эдгара Морена: «речь идет об особой парадигме, каковая выкапывает и реанимирует невинные вопросы, которые мы были вымуштрованы забывать и презирать... [Она предполагает] прогресс познания, который приносит нам неведомое и таинственное. Тайна не открывается только избранным; она освобождает нас от всякой бредовой рационализации, которая претендует на то, чтобы свести реальное к идее, и она несет нам, в поэтической форме, весть о непостижимом и невероятном». И не случайно, что на западе так называемым *Complex Systems Research* или *Theory of Complexity* посвящено немало естественнонаучных и философских работ.

Как раз в этом пункте, на мой взгляд, уместно обратиться к фигуре крупного французского философа Жильбера Симондона, чьи концепции оказали большое влияние на Жюлья Делеза, Жана Бодрийяра, Брюно Латура, Изабеллы Стенгерс и других видных авторов, движущихся в стратегии парадигмы сложности. Причем творчество Симондона еще только предстоит осваивать не только отечественной, но зарубежной философии. И такое освоение предполагает немало трудностей именно в силу особенностей той позиции, какую занимает Симондон в поле философского дискурса. «Мысль Симондона уходит от четкого разделения технического знания и гуманитарной науки: с самого начала, будучи студентом престижной Эколь Нормаль, Симондон изучает философию и электронику одновременно, а затем длительное время остается «вне философии», заняв пост преподавателя психологии. При жизни труды Симондона не встретили должного отклика в интеллектуальной среде» [4, с.237]. Однако сегодня нередко можно услышать, что Симондон является чуть ли не единственным, кто в шестидесятые годы прошлого века предложил развернутый концептуальный аппарат, описывающий сложностное мышление и нацеленный на схватывание становящихся реалий – от живых существ до технических объектов. Симондон одним из первых разработал концепцию, согласно ко-

торой термин «Ното» указывает на жизнь и человека, и животных, и технических объектов, глубоко прочувствовав, что эти три темы тесно связаны. Различие состоит лишь в том, что техника развивается согласно намерениям, целям и средствам, а живое – это некая спонтанная, самоорганизующаяся, естественная машина.

* * *

Рассмотрим некоторые наиболее важные концепты философской стратегии Симондона и, прежде всего, учение об индивидуации, пронизывающее все его тексты и выступления. Сразу поясним, что под термином «индивидуация» понимается становление живого существа или технического объекта до их конкретных, оформленных состояний, кои изначально не даны. В ходе такого становления существо или объект обретают ту индивидуальность, которая отличает их от других существ и объектов. Индивидуация живых существ является «непрерывающейся индивидуацией», или (в другой терминологии) «непрерывными онтогенезом». Симондон отмечает, что «индивидуализация технических сущих – условие технического прогресса. Такая индивидуализация возможна благодаря рекуррентности причинной связи в среде, которую техническое сущее создает вокруг самого себя и которая обуславливает его также, как сама обусловлена техническим сущим. Эта среда – одновременно техническая и естественная – может быть названа ассоциированной средой. Она – то, благодаря чему техническое сущее обуславливает себя в своем функционировании» [6, p.56]. С другой стороны, «именно потому, что живое является индивидуальным сущим, которое несет с собой свою ассоциированную среду, живое способно изобретать: эта способность самому обуславливать себя есть принцип способности производить объекты, которые сами обуславливают себя» [6, p.58].

После такого краткого пояснения начнем с того, что Симондон, рассматривая живые существа, различает субстанциализм и гилеоморфизм. Субстанциализм определяется им в качестве некоего монизма, постигающего единство живого существа как его сущность, единство, основанное на самом себе и создаваемое само по себе, а также противостоящее всему, что не является им самим. Гилеоморфизм же рассматривает индивида как особое произведение, возникающее из соединения формы и

материи, причем сам принцип индивидуации действует здесь независимо от активности самого индивида. Между такими двумя подходами – само-центрированным монизмом субстанциалистских метафизиков и биполярностью гилеоморфизма – существует явная оппозиция. Но, несмотря на оппозицию, оба способа анализа реальной природы индивида обладают чем-то общим: как тот, так и другой способы намерены обнаружить принцип индивидуации, осуществляющий свое влияние до того, как происходит сама актуальная индивидуация, принцип, который способен объяснить, произвести и задать дальнейший ход индивидуации. Принимая конституированного индивида как данность, мы затем будем пытаться воссоздавать условия, сделавшие его существование возможным.

Основной критике Симондон подвергает гилеоморфическую схему, поскольку, согласно французскому философу, современному мышлению не хватает такой концепции онтогенеза, каковая рассматривалась бы как «становление». Считается, что в модели гилеоморфизма актуальный процесс неспособен предъявить собственный принцип, а лишь вкладывает его в следствие-эффект. «То, что игнорирует гилеоморфическая схема, определяя форму и материю как два отдельных термина, – это процесс непрерывной “модуляции”, работающий позади них. Материя никогда не является простой или гомогенной субстанцией, способной к получению форм, она сослана из интенсивных и энергетических черт, кои не только обеспечивают возможность такого действия, но и непрерывно изменяют его (глина более или менее пориста, дерево более или менее сопротивляется); и формы никогда не являются фиксированными шаблонами, но детерминированы *сингулярными особенностями* материала, которые предполагают имплицитные процессы деформации и трансформации (железо тает при высоких температурах, мрамор или дерево раскалываются по их прожилкам и волокнам). ... По ту сторону препарированной материи лежит энергетическая материальность, пребывающая в непрерывном изменении, а по ту сторону фиксированной формы лежат качественные процессы деформации и трансформации в непрерывном развитии» [9, p.43].

То есть, ни субстанциализм, ни гилеоморфизм не дают прямого описания самого онтогенеза, или индивидуации. Например, атомистический субстанциализм описывает ста-

новление сложносоставного живого существа, которое обладает достаточно сомнительным и преходящим единством, ибо оно, как считается, – результат случайной ассоциации, каковая может рассыпаться на исходные элементы под воздействием внешней силы, более мощной, чем сила, удерживающая упомянутое единство. Значит, силы, связывающие существо, не могут рассматриваться в качестве принципа индивидуации сложного единства, поскольку есть более тонкая структура «вечных» элементарных частиц, выступающих здесь реальными индивидами.

В свою очередь, согласно *гилеморфической теории* индивидуальное существо не дано, когда анализируются материи и формы, лишь впоследствии становящиеся неким целым. То есть сам момент начала онтогенеза ускользает, и мы всегда оказываемся либо до, либо после начала онтогенетического формирования. Следовательно, обсуждаемый Симондоном принцип индивидуации не схватывается в той точке, где индивидуация осуществляется как процесс. Традиционно считалось, что такой принцип содержится либо в материи, либо в форме, поскольку актуальный процесс индивидуации не способен обеспечить «работу» такого принципа, а просто помещает его в получившийся результат. Таким образом, «поиск принципа индивидуации предпринимается либо после, либо до индивидуации, в зависимости от того является ли модель индивида физической (для субстанциалистского атомизма) или же технологической и витальной (для гилеморфической схемы). Но в обоих случаях существует *темная зона*, возвращающая операцию индивидуации. Такая операция рассматривается как что-то, что должно быть объяснено, а не как то, в чем объяснение должно быть найдено: отсюда и понятие принципа индивидуации. И такая операция рассматривается как что-то, что следует объяснить, ибо мысль ориентирована на завершенное индивидуализированное существо, относительно которого она пытается отдать отчет, минуя этап индивидуации, дабы выйти на индивида после такой операции» [7, p.24]. Следовательно, можно проследить некую хронологию: сначала имеет место принцип индивидуации; затем этот принцип начинает действовать, запуская процесс, приводящий к индивидуации; и на последнем этапе возникает конституированный индивид. При этом если в ходе индивидуации, од-

новременно, производятся и нечто иное, кроме индивида, то последнее нужно учитывать, дабы ухватить онтогенез во всем его многообразии и «*скорее понять индивида с точки зрения индивидуации, нежели индивидуацию, начиная с индивида*» [7, p.24].

Итак, в первую очередь должен рассматриваться сам процесс индивидуации. Онтогенез истолковывается не только как генезис индивидуального, но и как становление живого существа. Причем такое становление не следует понимать в виде четко заданного «фрейма», где – как в клетке – обитает подобное существо. Становление, скорее, выступает как одно из измерений такого существа, допуская изначальную несовместимость с подобным «фреймом». Становление – не череда событий, происходящих с живым существом, ибо такое предположение уже допускало бы, что последнее изначально дано, изначально субстанциально. Нет такой точки, к которой живое существо могло бы вернуться и где бы оно оставалось полностью самотождественным. То есть, единство живого существа состоит не в его самотождественности, а в его саморазличности. Такому единству можно было бы приписать эпитет «трандуктивное», ибо оно вечно разрывает собственные связи со своим центром, то есть, в современной терминологии, децентрируется. И тогда индивидуация подобного существа перестает быть синтезом, возвращающим к некоему единству, а является процессом, предполагающим не возврат к центру, а, скорее, некую рекурсию, включающую в себя перманентные инновации. Такие инновации следует мыслить не посредством индукций или дедукций, они, прежде всего, предполагают именно трандукцию. Симондон пишет: «индивид должен пониматься как нечто, обладающее относительной реальностью, занимающей лишь определенную фазу всего рассматриваемого сущего в целом – фазу, несущую внутри себя предшествующее до-индивидуальное состояние и (даже после индивидуации) не существующую в изоляции, ибо индивидуация не исчерпывается в одном единственном акте своего проявления, то есть в ней присутствуют все потенциальности, воплощенные ее в до-индивидуальном состоянии» [8, p.22].

Итак, живое существо не может быть описано ни в терминах субстанции, ни в терминах материи и формы, скорее, оно может быть представлено «как туго растянутая и перенасыщенная система, существующая на более

высоком уровне, чем само целое, кое является недостаточным в себе и не может быть адекватно концептуализировано согласно принципу исключенного третьего» [8, р.23]. То есть, оно всегда пребывает не в стабильном, а, скорее, в «метастабильном равновесии». Согласно Симондону, осмысляя живое существо как пребывающее в стабильном равновесии, мы не способны ухватить становление, ибо такое состояние предполагает, что все потенциальности подобного существа (по сути дела виртуальные) всегда остаются актуальными. Тогда, говорит Симондон, живое существо представляет собой систему, находящуюся на самом низком энергетическом уровне и не способную подвергаться каким-либо дальнейшим трансформациям. «Симондон конструирует становление индивидуации как некий театр, где присутствует не предустановленный смысл того, что является физически возможным (в терминах связи организма и внешнего окружения). Более того, Симондон жестко критикует кибернетическое моделирование систем, поскольку живое существо вовсе не действует функционально как стабильная сущность, чье поведение направлено лишь на то, чтобы определяться установлением совместимости между собственными разнообразными потребностями, благодаря которым оно могло бы обрести собственную формулу сложного равновесия, составленного из более простых равновесий. Для Симондона индивидуация всегда выступает как некое «усилие», имея ввиду то, что последняя не сводится только лишь к функционализму. Следовательно, процесс индивидуации не совпадает с производством. ... Живое существо способно развиваться благодаря тому, что обладает «внутренним резонансом» со своей средой, причем оно никогда пассивно не адаптируется к среде. Следовательно, отношение индивидуации вовсе не является отношением отдельных индивидов, но всегда выступает как некий аспект внутреннего резонанса, характеризующий систему индивидуации. Такой резонанс требует непрерывной коммуникации и поддержания метастабильности как пред условия становления» [5, р.91]. Итак, индивидуация отсылает не просто к индивиду, но, скорее, к внутренним модальностям существа, которые как конституируют индивидов, так и разлагают их. Факторы и процессы индивидуации предшествуют элементам конституированного индивида, таким как, например, материя и форма, виды и роды.

* * *

Итак, вернемся к принципу индивидуации, ибо конституированный индивид, как конкретная реальность, нуждается в объяснении в отношении своего возникновения. Такой поиск, как полагает Симондон, обеспечивает онтологический статус уже конституированного индивида. «То, что у индивидуации был некий принцип, является постулатом в поиске принципа индивидуации. Даже в этом понятии принципа есть определенная характеристика, которое предвосхищает конституированную индивидуальность со свойствами, какими она будет обладать, когда конституируется» [7, р.23]. Конечно, предположение о необходимости первого принципа или первого термина, обеспечивающего объяснение онтогенеза конституированного индивида, не указывает на то, что такое предварительное условие онтогенеза с необходимостью похоже на данный первый термин, хотя сам этот термин – уже индивид, или, по крайней мере, нечто, способное быть индивидуализированным, нечто, что может быть причиной абсолютно конкретного существования индивида.

Симондон намерен изменить сам подход к поиску принципа, управляющего индивидуацией. Индивид, согласно такому подходу, обладает относительной реальностью, являет собой лишь определенную фазу бытия (учение Симондона о фазах бытия – отдельный сюжет, на котором здесь мы не будем останавливаться. Сжатое его изложение можно найти в переводе двух глав из книги Симондона *Du mode d'existence des objets techniques*, опубликованных в философско-теоретическом журнале «Синий диван» под редакцией Елены Петровской [3, сс.93-116]), причем последняя имплицитно содержит предыдущее доиндивидуальное состояние. Кроме того, в ходе индивидуации возникает не столько индивид, сколько связка индивид-среда, причем среда является не однородным образованием, а характеризуется внутренними напряжениями, опосредующими переход индивида в существование (если обратиться к синергетической терминологии, предложенной школой Самарского и Курдюмова С.П., среда обладает «собственными функциями»). Тогда онтогенез не сводится к генезису индивида, а обозначает, повторимся, становление существа в его бытии. Оппозиция сущее-становление имеет место, когда рассматривается в контексте доктрины, согласно которой моделью

сущего является субстанция; но также правомерно говорить о том, что становление – это одно из измерений сущего, соответствующее способности последнего не совпадать с самим собой. В таком случае «доиндивидуальное существо – это существо, в котором не существует никаких фаз; существо, внутри которого осуществляется индивидуация, – это существо, в котором появляется разделение благодаря его распределению на фазы, являющееся становлением: становление – не рамка, в которой существует существо; оно – одно из измерений существа, способ разделения изначальной богатой потенциалами несовместимости. *Индивидуация соответствует появлению фаз в существе, которые являются фазами существа*» [7, р.25]. И единственным принципом, каким, согласно Симондону, можно руководствоваться – это принцип сохранения сущего через становление, сохранения, осуществляемого путем обмена между структурой и операцией индивидуации и продолжающегося благодаря квантовым скачкам через серию последовательных равновесий. А значит, чтобы понять природу индивидуации, нужно рассмотреть сущее не как субстанцию, материю или форму, а как перенасыщенную систему с внутренними напряжениями, пребывающую на более высоком уровне, чем само единство сущего, единство, не достаточное само по себе и не концептуализируемое согласно принципу исключенного третьего. Доиндивидуальное сущее больше, чем единство. Единство индивидуализированного сущего, допускающее использование принципа исключенного третьего, не может прилагаться к доиндивидуальному сущему. Единство и тождественность применимы только к одной из фаз существа, появляющихся после процесса индивидуации. В доиндивидуальной фазе эти понятия бесполезны для открытия актуальной операции индивидуации, бесполезны для понимания онтогенеза, или становления, существа, удваивающего себя и пребывающего в фазовом сдвиге по отношению к самому себе в операции индивидуации.

Чтобы как-то разрешить трудности, связанные с описанием операции индивидуации Симондон предлагает отказаться от представления об «устойчивом равновесии» (а также от адаптации живого существа к среде) и использует концепт «метастабильного равновесия» системы, обладающего потенциальной энергией и некой упорядоченностью. Тогда физическая индивидуация предстает как слу-

чай деления метастабильной системы, начинающегося с ее перенасыщенного состояния системы. При этом, как пример, он приводит процесс кристаллизации, способный служить в качестве парадигмы, он не обеспечивающий полного анализа физических индивидуальных. Симондон согласен с той точкой зрения, что сама реальность изначально предстает как перенасыщенный раствор, который в доиндивидуальном состоянии больше, чем единство, больше, чем тождество, и способен манифестироваться как волна и частица, как материя и энергия, и потому любая операция или любое отношение, внутреннее для этой операции, является индивидуацией, удваивающей, сдвигающей по фазе доиндивидуальное бытие. Взаимодополнительность была бы тогда эпистемологическим отзвуком изначальной метастабильности реальности. Ни механизм, ни энергетизм не объясняют реальность полностью. Тем не менее квантовая механика указывает на такой доиндивидуальный режим, выходящий за рамки единства. Квантовая механика и волновая теория, согласно Симондону, начинают конвергировать, будучи рассмотрены как два способа выражения доиндивидуального состояния. Квантовая и метастабильная дополнительность, пребывающая вне единства, является подлинно доиндивидуальной. В свою очередь, исследование роста кристаллов как операции индивидуации позволяет нам на макроскопическом уровне понять феномен, укорененный в микрофизической – молекулярной, а не молярной – области, понять то, что происходит на самой границе кристалла в процессе его формирования. Причем речь идет не о встрече предшествующей формы и материи, а о разделении в сердцевине метастабильной богатой потенциалами системы. Формы и материи не достаточно. Подлинный принцип индивидуации – посредничество, предполагающее изначальную дуальность порядков и изначальное отсутствие интерактивной коммуникации между ними. Одновременно, актуализируется некое количество потенциальной энергии, а часть материи организуется и распределяется в структурированных индивидах среднего порядка, развивающегося благодаря промежуточному процессу роста. Именно организация энергии в метастабильной системе приводит к кристаллизации, но форма кристаллов выражает определенные молекулярные и атомные характеристики.

Что касается живых существ, то для характеристики индивидуации к ним также применимо представление о метастабильности. Хотя индивидуация производится здесь по-иному, не мгновенным квантовоподобным способом как в физической области, способом, оставляющим след дуальности лишённой индивидуальности среды и индивида, не обладающего измерениями среды. Живое существо сохраняет в себе активность перманентной индивидуации. «Оно не только результат индивидуации, как кристалл или молекула, но – театр индивидуации. Кроме того, вся активность живого не сосредотачивается, как активность физического индивида, на его границе; в нем существует полный режим *внутреннего резонанса*, требующий постоянной коммуникации и поддерживающий метастабильность, которая является предусловием жизни. Это не единственная характеристика живого, и мы не можем уподоблять его автомату, который поддерживал бы определенное число равновесий или искал бы совместимости между различными требованиями, подчиняясь формуле сложного равновесия, скомпонованного из простых равновесий: живое – это также существо, являющееся результатом изначальной индивидуации и усиливающее индивидуацию, а все не технический объект, которому хотел бы его уподобить функционально кибернетический механизм. В живом имеет место *индивидуация благодаря самому индивиду*, а не простое функционирование, являющееся результатом завершенной раз и навсегда индивидуации, сопоставимой с производством» [7, p.25].

Итак, живое решает свои проблемы не только адаптируясь, – то есть, путем изменения своего отношения к ассоциированной среде (учитывая, что на такое способна и машина), – но и модифицируя себя с помощью инноваций в отношении внутренних структур и благодаря вписыванию в аксиоматику органических проблем. В этом состоит еще одна из причин, почему Симондон обращается к гипотезе, «вводящей генетическую схему – более изначальную, нежели противоположные варианты адаптации и жизненного порыва, и включающую в себя их оба как абстрактные крайние случаи: схему последовательных этапов индивидулирующего структурирования, переходящего от одного метастабильного состояния к другому посредством последовательных изобретений структур» [3, с.96]. Именно благодаря такому

вписыванию живое может рассматриваться как продукт обмена *информацией*, становясь точкой интерактивной коммуникации между порядком реальности, размерностно превосходящим его собственную размерность, и более низким порядком, чью организацию оно берет на себя. «*Живой индивид – это система индивидуации, система индивидулирующая и система, которая индивидурует себя*» [7, p.28]. Внутренний резонанс как раз и вызывает информацию по отношению к самому живому, тогда как в физической области *внутренний резонанс* обозначает предел индивида в процессе индивидуирования себя. И такой внутренний резонанс задает критерии индивида как такового. И он формируется индивидом с его средой. Согласно Симондону, внутренняя структура органического существа (как, впрочем, и неорганического) завершается через деятельность и изменения, какие имеют место на границе внутреннего и внешнего (как это происходит в случае кристаллизации). Тогда можно сказать, что физический индивид экс-центричен, периферен к самому себе. Он активен на границе своей собственной территории и потому может иллюзорно принимать то, что сам обладает чем-то подлинно внутренним. Хотя такое подлинно внутреннее пребывает в нем и играет конститутивную роль, тогда как именно граница играет такую роль в физическом индивиде. И не важно, что находится внутри, а что снаружи. В любом случае оно топологически мыслится как генетически предшествующее. (Уже отмечалось влияние Симондона на творчество такого крупного мыслителя как Ж.Делез. В частности, имеется ввиду значимость концепта «метастабильность» для развиваемой им теории события-смысла. Вот, что он пишет; «Во-первых, сингулярности-события соответствуют неоднородным сериям, организующимся в систему, которая ни стабильна, ни не стабильна, а, скорее, «метастабильна», наделена потенциальной энергией, где распределяются различия между сериями. (Потенциальная энергия – это энергия чистого события, тогда как формы актуализации соответствуют осуществленным событиям). Во-вторых, сингулярности способны к само-воссоединению, процесс которого всегда подвижен и смещается в той мере, в какой парадоксальный элемент пробегает серии и вынуждает их резонировать, сворачивая соответствующие сингулярные точки в одну и ту же случайную точку, а все

излучения, все броски [игральной кости] – в одно и то же бросание. В-третьих, сингулярности, или потенциалы, блуждают по поверхности. Все случается на поверхности кристалла, рост которого происходит только на его гранях. Несомненно, организм так не развивается; он всегда сосредоточен во внутреннем пространстве и распространяется во внешнее пространство – ассимилируя и проявляясь. Но мембраны не менее важны: они несут потенциалы и возрождают полярности, они приводят в соприкосновение внутреннее и внешнее пространства вне зависимости от расстояния между ними. Внутреннее и внешнее, глубина и высота обретают биологическую ценность только благодаря такой топологической поверхности контакта. Следовательно, даже с биологической точки зрения, необходимо понять, что “глубочайшее – это кожа”. Кожа обладает некой чисто поверхностной жизненной потенциальной энергией. И точно так же, как события не занимают поверхность, а лишь бродят по ней, так и поверхностная энергия не локализуется на поверхности, а лишь участвует в ее формировании и реформировании. Хорошо сказал об этом Жильбер Симондон: “Живое живет на пределе самого себя, на собственном пределе... Характерные для жизни полярности пребывают на уровне мембраны; именно здесь жизнь присутствует сущностным образом как аспект динамической топологии, которая сама поддерживает метастабильность, благодаря коей и существует... Все содержание внутреннего пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого; фактически, в топологии не существует дистанции; вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве, активно наличествует во внешнем мире на пределе живого... *Принадлежать внутреннему значит не только быть внутри, но и быть на внутренней стороне предела...* На уровне поляризованной мембраны внутреннее прошлое и внешнее будущее сталкиваются...” [1, сс.140,141]. Делез здесь ссылается на текст Симондона *L'individu et sa genese physico-biologique* [8, pp.260-264], считая эту книгу очень важной, «поскольку в ней представлена первая продуманная теория неличных и до-индивидуальных сингулярностей. Начиная с этих сингулярностей, она в явном виде предлагает разработку генезиса живой индивидуальности и сознающего субъекта. А

значит, это и новая концепция трансцендентального. Симондоном анализируются все пять характеристик, посредством которых мы попытались определить трансцендентальное поле: *потенциальная энергия этого поля, внутренний резонанс серий, топологическая поверхность мембран, организация смысла и статус проблематического* [1, p.141]). Такое предшествующее выступает как современное, поскольку задает то, что в сложностном восприятии мира определяется как становление. «Становление – не один и не два, и не отношение между двумя; оно – промежуток, граница, линия ускользания или падения, перпендикулярная к двум. Если становление – блок (линия-блок), то именно потому, что оно полагает зону близости и неразличимости, по *man's land* (уичейная, бесхозная, заброшенная, спорная земля; нейтральная зона; неопределенная область – *англ.*), нелокализуемое отношение, сметающее две отстоящие или смежные точки, ставящее одну точку вблизи от другой – и такая близость-граница безразлична как к смежности, так и к расстоянию» [2, с.487]. Живое – это то, где возникает информация, направленная на само это живое – некая система внутри системы живого, удерживающая в себе посредника между двумя различными порядками. Повторимся, индивидулируемое существо (будь то физическое или органическое), одновременно, больше и меньше, чем единство. У него собственная внутренняя более широкая проблематика, элементом которой само оно и является.

Итак, внутреннее и внешнее отношения могут рассматриваться как отношения участия, без привлечения для объяснений каких-либо иных субстанций. Психика и коллективность возникают благодаря индивидуации, которая приходит после витальной индивидуации. «Психика – это продолжение витальной индивидуации у существа, которое, дабы решать собственные проблемы, обязано само вмешиваться в качестве элемента проблемы благодаря своему действию как *субъект*» [7, p.29]. Субъект может выступать в качестве некоего единства, когда рассматривается как живой индивид, как тот, кто представлен своей деятельностью в мире и как элемент, и как измерение последнего. Проблемы, касающиеся живого, не ограничиваются собственной сферой: «их открытая аксиоматика может быть насыщенной только благодаря неопределенному продолжению

последовательных индивидуаций, ангажирующих все больше и больше дондивидуальную реальность и инкорпорирующих ее в отношении со средой» [7, p.29].

Тогда само знание процессов индивидуации (и в режиме индивидуации) создается не абстрактным способом, начиная с ощущения, а проблематическим способом, начиная с первичного доиндивидуального состояния, с ориентации в поляризованном мире: здесь еще раз нужно отмежеваться от гилеморфической схемы. «Не существует ощущения, которое было бы материей, конституирующей *апостериорное* данное для *априорной* формы чувственности; априорные формы суть первое решение благодаря открытию аксиоматики напряжений, возникающих в результате столкновения *первичных тропистических единств*; априорные формы чувственности не являются ни *a priori*, ни *a posteriori*, получаемыми благодаря абстракции, но структурами аксиоматики, которая появляется в операции индивидуации. Мир и живое уже пребывают в тропистическом единстве, но мир предстает здесь только как *направление*, как полярность градиента, который размещает индивидуальное существо в *неопределенной диаде*, чью среднюю точку оно занимает, и который распространяется, начиная с этого существа. Восприятие, а затем и наука, продолжают разрешать такую проблематику, не только с помощью изобретения пространственно-временных рамок, но и с помощью учреждения понятия объекта, который становится *источником* изначальных градиентов и организует их между собой согласно *миру*. Различие между априори и апостериори – отзвук гилеморфической схемы в теории познания – вуалирует своей темной центральной зоной подлинную операцию индивидуации, которая является центром познания. Само понятие качественной или интенсивной серии заслуживет того, чтобы мыслить согласно теории *фаз* существа: последняя не является *реляционной* и не поддерживается предсуществованием крайних терминов, но она развивается, начиная с изначального среднего состояния, которое локализует живое и вставляет его в градиент, наделяющий смыслом тропистическое единство: серия – это абстрактное видение смысла, согласно которому ориентируется тропистическое единство. Нужно начинать с индивидуации, с существа, схваченного в своем центре согласно его пространственности и его становлению, а не с субстанциализированно-

го *индивида* перед чуждым ему *миром*. Этим мы хотим сказать, что *априори* и *апостериори* не находятся в самом знании: они не являются ни формой, ни материей знания, ибо они являются не знанием, а крайними полюсами доиндивидуальной диады и, следовательно, доноэтических. Иллюзия *априорных* форм, происходит из предсуществования, в доиндивидуальной системе, из *условий тотальности*, чье измерение превосходит измерения индивида в стадии онтогенеза. Наоборот, иллюзия *апостериорного* происходит из существования некоей реальности, чей порядок величины – что касается пространственно-временных модификаций – ниже порядка индивида. Концепт не является ни *априорным*, ни *апостериорным*, но *наличным* [*a praesenti*], ибо он является информатизированной и интерактивной коммуникацией между тем, что больше, чем индивид, и тем, что меньше, чем он. Тот же метод может быть использован для исследования аффективных состояний и эмоциональности, которые конституируют резонанс существа по отношению к самому себе, присоединяют индивидуальное существо к доиндивидуальной реальности, которая ассоциируется с ним, также как тропистическое единство и восприятие присоединяют его к среде. Психика компонуется из последовательных индивидуумов, позволяющих существу решить свои проблематичные состояния, соответствующие постоянному введению в коммуникацию того, что больше, чем оно, с тем, что меньше его» [7, pp.30,31].

* * *

Итак, мы, по необходимости кратко, рассмотрели то, что Симондон понимает под индивидуацией, а также коснулись некоторых концептуальных особенностей такого понимания. В частности, совокупность концептов, предлагаемых Симондоном претендует на обоснование той гипотезы, что информация или, по крайней мере, ее часть связана не столько с некоей уникальной и однородной реальностью, сколько двумя *несоизмеримыми* порядкам. Та часть информации, которая имеет место на уровне тропистического единства или на трансиндивидуальном уровне, проявляется как напряжение между двумя несоизмеримыми реальностями. Она обретает смысловую значимость, когда в ходе индивидуации возникает измерение, благодаря которому две несоизмеримых реальности ста-

новятся одной системой. В таком случае, данная информации или ее часть, фактически, стимулирует операцию индивидуации. Согласно Симондону информация не предполагает единства и тождественности, ибо сама не является неким принципом, или термином, но подразумевает некое напряжение в системе существа. Информация должна быть присутствующей проблематике, так как она представляет *то, посредством чего несовместимость внутри неразрешимой системы становится организующим измерением в ее разрешении*. Информации подразумевает *изменение фазы в системе*, поскольку она предполагает существование изначального доиндивидуального состояния, которое индивидуируется в соответствии с требованиями возникающей организации. Информация обеспечивает формулу, которая сопровождается индивидуацией, и поэтому формула не могла бы, возможно, существовать до этой индивидуации. Можно было бы сказать, что информация всегда существует в настоящем, что она всегда современна, потому что она создает смысл, согласно которому система индивидуализируется. Это утверждение не означало, чтобы оспорить валидность количественных теорий информации и порядков сложности, но она работает в предположении, что существует фундаментальное состояние – состояние доиндивидуального существа, – которое предшествует любой дуальности отправитель-получатель, таким образом, дуальности любого передаваемого сообщения. Остаток этого основного состояния в классическом примере передаваемой информации в виде сообщения не является источником информации, но изначальной предпосылкой, без которой нет никакой

информации-эффекта, которая означает отсутствие информации. Этим условием является метастабильность получателя, будь то, что метастабильность технического существа или живого индивида. Такую информацию можно было бы назвать «первичной информацией».

И в заключение приведем еще одну цитату Симондона, определяющую его исследовательскую стратегию: «Концепция существа, на которой основывается это исследование состоит в следующем: существо не обладает единством тождества, которое является единством стабильного состояния, в котором никакая трансформация невозможна; существо обладает *трансдуктивным единством*; то есть, оно может сдвигаться по фазе по отношению к самому себе, выходя за пределы самого себя с той и другой стороны своего центра. То, что мы принимаем за *отношение* или *дуальность принципов* – это, на самом деле, развертывание существа, которое больше, чем единство, и больше, чем тождество; становление – это измерение существа, а не то, что с ним происходит согласно последовательности [событий], которой подвергается изначальное данное и субстанциальное существо. Индивидуация должны быть схвачена как становление существа, а не как модель существа, которое исчерпало бы свое значение [signification]. Индивидуальное существо – это ни цельное существо, ни изначальное существо: вместо того, чтобы схватывать индивидуацию, начиная с индивидуального существа, нужно схватывать индивидуальное существо, начиная с индивидуации, а индивидуацию, начиная с доиндивидуального существа, распределенного согласно многим порядкам величины» [7, pp.31,32].

Библиография:

1. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 68.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фктория*Астрель, 2010. С. 91.
3. Симондон Ж. Суть техничности // Синий диван. № 18. М., 2013, перевод с французского Дениса Скопина.
4. Скопин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез // Синий диван. № 16. М.: Три квадрата, 2011. С. 63.
5. Pearson K.P. *Germinal life. The difference and repetition of Deleuze* – London and N.Y., 1999.
6. Simondon G. *Du mode d'existence des objets techniques*-Editions Aubier, 1958, 1969, 1989.
7. Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble, Editions Jerome Millon, 2005.
8. Simondon G. *L'individu et sa genese physico-biologique* – Grenoble, Jerome Millon, Paris, 1995.
9. Smith Daniel W. *Deleuze's Theory of Sensation: Overcoming the Kantian Duality* // *Deleuze: A Critical Reader*. Edited by Paul Patton – Massachusetts, Blackwell Publisher Ltd, 1996.

References (transliterated):

1. Delez Zh. Logika smysla. M.: Akademicheskii proekt, 2011. S. 68.
2. Delez Zh., Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. M.: U-Fktoiya*Astrel', 2010. S. 91.
3. Simondon Zh. Sut' tekhnichnosti // Sinii divan. № 18. M., 2013, perevod s frantsuzskogo Denisa Skopina.
4. Skopin D. Membrana i zhizn' v skladkakh: Zhil'ber Simondon i Zhil' Delez // Sinii divan. № 16. M.: Tri kvadrata, 2011. S. 63.
5. Pearson K.P. Germinal life. The difference and repetition of Deleuze – London and N.Y., 1999.
6. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques-Editions Aubier, 1958, 1969, 1989.
7. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble, Editions Jerome Millon, 2005.
8. Simondon G. L'individu et sa genese physico-biologique – Grenoble, Jerome Millon, Paris, 1995.
9. Smith Daniel W. Deleuze's Theory of Sensation: Overcoming the Kantian Duality // Deleuze: A Critical Reader. Edited by Paul Patton – Massachusetts, Blackwell Publisher Ltd, 1996.